

КРУПНЫМ
ПЛАНOM

люблю, когда люди радуются

Заслуженный артист РСФСР, актер Московского драматического театра на Таганке Валерий Золотухин хорошо известен кинозрителям. С первых ролей в кинематографе он зарекомендовал себя человеком талантливым, ярким, неожиданным.

— Валерий, когда вы почувствовали тягу к творчеству?

— Пожалуй, с пятого класса школы. Я тогда тяжело болел. Большие дома сидел, радио слушал. И ужас как любил подражать голосам любимых исполнителей. И драматическим, и оперным, и эстрадным. Бывало, так орал песни заодно с Рашидом Бейбутовым, что соседи стороной наш дом в алтайском селе обходили.

— Значит, тогда и решили, что ваш путь — в лицедей?

— Нет, маленько погодя. Я к десятому классу очень агрономией увлекся. На пришкольном участке лучший урожай кукурузы по району вырастил. За это дело даже медалью был отмечен: «За освоение целинных земель». После этого и задумался: то ли в агрономы податься, то ли в артисты? Решил, что если с актерством ничего не получится, то агрономия от меня никуда не денется. С тем и покатил в Москву.

— А болезнь?

— Одолеял я ее. Верил в себя. Врачи хорошо лечили, но

и я недугу не поддавался. Нельзя было ходить без костылей, а я ходил! По две-три минуты, стискивая зубы от боли, но шагал! И вот еще что мне тут помогло. Повесть Бориса Полевого о его настоящем человеке — летчике Маресьеве. На выпускном вечере в школе так в раж вошел, что сломал костыли и вприсядку пустился.

— Ваши коллеги рассказывают, что в ГИТИС вы с «шумом» поступили...

— Еще с каким! На первый тур пришел с копной волос на голове, в нелепой расцветки рубашке, широких сатиновых шароварах, а на второй — с лысой башкой, гладкой, как бильярдный шар, зато в черном двубортном костюме из шевита. Но это были, так сказать, цветочки. Попросили меня спеть песню. Я уважил комиссию, выдал про Стеньку Разина. Говорят: «А частушки знаешь?» Я им: «Мильёни!» И тут меня будто здело. Начну частушку, а конец у нее — один срам. Я вывожу: ля-ля-ля. А комиссия: «Пой полностью, не стесняйся». Закрыв глаза и спел. Вижу: двое сразу вон из комнаты. Женщины. А мужики ничего, хохочут. Ну, я и пошел выдавать. Шум был, конечно...

— Как складывалась актерская жизнь?

— Закончив Театральный институт, был приглашен в Театр имени Моссовета. Там как раз ставили «Недоросль» Фонвизина. Ролью Митрофанушки

я и дебютировал. А спустя два года перешел работать в Театр на Таганке, к Любимову.

— Что дала вам эта встреча?

— Все! Считаю, нынешняя моя актерская судьба определена волей, целеустремленностью и талантом нашего главного режиссера. Он научил меня относиться к любой роли серьезно, выворачивать душу на репетициях чуть ли не наизнанку, страдать и плакать. И это — прекрасно!

— Какие работы запомнились?

— Непростой вопрос. Каждая из них с большим трудом давалась. Легко ни одна не получалась. Так было и в «Матери», и в «Что делать?», и в «Послушайте!», и в «Вишневом саде», и в «Преступлении и наказании». Короче, вся работа перед глазами и по сей день, как в кино.

— Раз уж упомянул это слово...

— Понял. Первой моей ролью на экране стал буденновец Петя в телефильме «Пакет». Хорошая роль: чистый душой и озорной этот герой. А вот со второй ролью — милиционером Сережкиным в картине «Хозяин тайги» — не все шло гладко. Тут песня помогла. Ждали мы как-то на съемке солнце. Володя Высоцкий, игравший там, сидел, напевал свои песни, а после и я подсоединился. Ударял, конечно, на народные, редкие. Так и запел «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...», которую слышал в одной из алтайских чайных. Режиссер Назаров вдруг говорит: «Хорошая песня. И в фильме ее споешь». Вот и понял я через нее натуру Сережкина.

— А как рождался Бумбараш?

— В муках. И не попадись мне на глаза журнал «Огонек», в котором была опубликована репродукция с картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею», еще не знаю, что бы вышло. А тут глянул на картину, и меня как прострелило. Вот же он, мой герой! А если бы по этому отроку, подумал, ударили из пулемета? Наверное, сперва и не понял бы, что его убить хотят. Так, поди, и глядел бы на все широкими глазами. Словом, тут и уловил характер гайдаровского персонажа, пусть и вымышленного, сказочного.

— Вы много снимались у режиссеров «Ленфильма». Что запомнилось?

— По сей день помню свою работу в картине замечательного человека и режиссера Иосифа Ефимовича Хейфица «Единственная». Очень было интересно играть роль Николая Касаткина, парня доброго, славного, которому не повезло в любви. Тут от меня не требовалось «бурь» и «нахрапа», а наоборот, постановщик просил мягкости и лиричности. Приходилось сдерживать себя, ибо по натуре я взрывной человек. Запомнилась мне и работа в картине «О тех, кого помню и люблю».

— Недавно отдельным изданием вышли ваши повести «На Исток-речушку» и «Детству моему» и «Дребезги». Не уведет ли вас писательство от сцены и экрана?

— О писательстве тут пока речи быть не может. Это — проба пера. Просто бывали минуты, когда хотелось что-то вспомнить, поворошить в памяти, не забыть. Вот я и записывал. Где-то документально, но больше с вымыслом. Все же за столом с ручкой и бумагой мне тяжелее, чем на сцене и на съемочной площадке.

— Много сейчас работы?

— Хватает. Телефильмы «Чародеи» и «Остров сокровищ» уже вышли, сейчас идут в кинотеатрах картины «Мать Мария» и «Детский мир», а на подходе ленты «Наше призвание» Г. Полоки, «Демидовы» Я. Лапшина, «Среди бела дня» В. Гурьянова. Последняя, кстати, тоже ленфильмовская. Много от нее жду: острые вопросы ставит. О мере ответственности каждого человека за свои поступки. Мой герой по фамилии Мухин убивает одного из хулиганов. Убивает случайно, защищая честь и достоинство своей жены. Его судят...

— Что вы считаете главным в своей творческой деятельности?

— Однажды в поезде мне сказала пожилая попутница: «Когда мы идем на фильм с вашим участием, то заранее улыбаемся». Это хорошо! Я люблю, когда люди радуются. Поэтому чаще и снимаюсь именно в «радостных» ролях. Однако и от других не отказываюсь. Артист обязан играть все. Это — его работа.

Вел беседу
В. ПЕТРОВ

Решение о работе

22 ИЮЛ 1983